

ФИЛОСОФИЯ

PHILOSOPHY

ОТ ФИЛОСОФИИ ТЕХНИКИ – К ТЕХНОСОФИИ

Денисова Т.Ю.

Сургутский государственный университет,
г. Сургут, Российская Федерация

В статье дается анализ современных подходов к пониманию роли техники в человеческом существовании как инструмента адаптации. Обосновывается тезис о необходимости пересмотра метафизической позиции человека по отношению к технике, согласно которой техника должна рассматриваться не как средство овладения миром, а как средство разворачивания человеческой сущности и средство обнаружения латентных свойств мира. Идея софийности техники (технософии) основывается на этимологии понятия «техника» и подкрепляется философскими концепциями начиная с античности до XX века.

Ключевые слова: техника; философия техники; технософия; техносфера; предназначение человека; экзистенциальные проблемы техногенной цивилизации.

FROM PHILOSOPHY OF TECHNOLOGY TO TECHNOSOPHY

Denisova T.Y.

Surgut State University, Surgut, Russian Federation

The article provides an analysis of modern approaches to understanding the role of technology in human existence as a tool of adaptation. The article emphasizes the importance of the need to revise the

metaphysical relation between a human and the technique, according to which the technology should not be seen as a means of mastering the world, but as a means of realization of human nature and a means of detecting of the latent properties of the world. The idea of the sophianic nature of technology (technosophy) is based on the etymology of the concept “technology” and is supported by philosophical concepts from antiquity to the 20th century.

Keywords: *technique; philosophy of technology; technosophy; technosphere; destination of a human life; existential problems of technogenic civilization.*

Интерес к технике и техническому, попытки философского осмысления существа техники и ее роли в истории человеческой цивилизации возникают в эпоху античности и развиваются пропорционально росту роли техносферы в общей социокультурной системе. По мере возрастания масштабов технического, и, соответственно, необходимости в осмыслении значения технического для динамики и перспектив человеческой истории, приходит понимание техногенного характера человеческой цивилизации в целом (а не только ее индустриального периода) и возникает нужда в специальном разделе философии – философии техники. В настоящее время концептуальные философские размышления о технике и перспективах технической цивилизации являются важной частью саморефлексии общества.

Однако, несмотря на то, что эволюция техники сопровождает всю историю человечества, а философия техники, оформившись как отдельная дисциплина столетие назад, в действительности имеет куда более почтенный возраст, насчитывающий более двух тысяч лет, отношение к технике со стороны ее принадлежности к материальной культуре в ее исключительно прикладном значении, как «средству для...», то есть чему-то внешнему по отношению к человеку, сохраняется и поныне.

Это с очевидностью отражено в существующих определениях понятия «техника». Приведем несколько примеров.

«Под «техникой» мы будем понимать в дальнейшем научно рационализированное распоряжение определенными процессами» (Ю. Хабермас) [9, с. 128]. «Техника – это совокупность действий знающего человека, направленная на господство над природой; цель их – придать жизни человека такой облик, который бы позволил бы ему снять с себя бремя нужды и обрести нужную ему форму окружающей среды... Смысл техники состоит в освобождении от власти природы» (К. Ясперс) [12, с. 115, 117]. «Техника должна быть понята как совокупность технических устройств, артефактов – от отдельных простейших орудий до сложнейших технических систем; как совокупность различных видов технической деятельности по созданию этих устройств – от научно-технического исследования и проектирования до их изготовления на производстве и эксплуатации, от разработки отдельных элементов технических систем до системного исследования и проектирования; как совокупность технических знаний – от специализированных рецептурно-технических до теоретических научно-технических и системотехнических знаний». (М.А. Розов) [7, с. 130]. Как можно видеть, техника здесь понимается исключительно со стороны экономической целесообразности и функциональности, применимости для решения четко сформулированных задач в отношении адаптации человека к миру и инструментального изменения самого этого мира.

Для того, чтобы адекватно оценивать роль техники в человеческой цивилизации и ее перспективах, необходимо выйти за пределы утилитарного, лишенного мировоззренческой глубины рассмотрения техники как исключительно средства удовлетворения насущных потребностей человека и попробовать понять, что она значит для человека и его существования, причем не только в бытовом, но и бытийном смысле.

Но чтобы взглянуть на существо вопроса под новым углом зрения, или просто «вдумчиво», по совету М.Хайдеггера, необходимо вернуться к происхождению термина «техника». Любые рассуждения о технике (в том числе в контексте формулы «техника на службе человека») начинаются с указания на то, что термин «техника»

этимологически восходит к древнегреческому τέχνη, буквально переводимому как «мастерство, искусство».

Однако греческий термин τέχνη в действительности обладал изначально куда более сложным значением, чем просто искусность мастера в делании чего-то. Редукция богатства смыслов термина к единственному прямому значению означает упрощение и искажение сути самого феномена.

Во-первых, термином τέχνη обозначалась не только искусность ремесленника, но искусство как таковое, то, что называют «прекрасным»: η Ακαδημία των καλών τέχων – Академия Художеств; έργο τέχνης – произведение искусства; καλές τέχνες – изящные искусства.

Во-вторых, τέχνη понималось как искусство *выявления* истинного (подлинного, настоящего) через прекрасное. В V–IV веках до н.э. термин τέχνη полностью соответствовал слову επιστήμη – знание, познание, обнаружение истины, выведение ее на свет. Так, в диалоге «Филеб» у Платона развивается мысль о том, что разные искусства (ремесла) содержат разное количество знания (или разный уровень знания, более или менее «чистого», теоретического). Сами по себе искусства (ремесла) – лишь подступы, пути к знанию (Филеб, 55 d) [6, с. 64], и соответственно, от уровня совершенства τέχνη зависит уровень достигнутого благодаря τέχνη знания. Цель искусства (τέχνη), по Платону – не собственное совершенство, а нечто другое, внешнее по отношению к нему (так, цель искусного врачевания – здоровое тело) (Филеб, 341 d-e) [6, с. 97].

Аристотель, чрезвычайно ценя технические умения, искусность, мастерство ремесленников, указывал, что одно и то же можно делать «просто», а можно «технично», и разница будет явной: «Ясно также, что способности делать или претерпевать надлежащим образом сопутствует способность просто делать или претерпевать, но этой способности первая – не всегда: ведь тот, кто делает надлежащим образом, должен также и делать, но тот, кто просто делает, делает и надлежащим образом» (Мет., IX 2 1064b) [1, с. 237].

В-третьих, существует глубокая связь между терминами τέχνη и σοφία.

Первоначально понятие σοφία, как и τέχνη, относилось к ремесленным навыкам, и означала не только отвлеченное знание, но и искусство устройства вполне приземленных вещей. Так, в гомеровской «Илиаде» говорится о Софии плотника, который «художества мудрость / Всю хорошо разумеет, воспитанник мудрой Афины» (Илиада, 15, 410–411) [4]. В том же значении использует слово σοφία Аристотель в «Никомаховой этике»: «Мудрость в искусствах мы признаем за теми, кто безупречен в [своем] искусстве; так, например, Фидия мы признаем мудрым камнерезом, а Поликлета – мудрым ваятелем статуй, подразумевая под мудростью, конечно, не что иное, как добродетель [т.е. совершенство], искусства» (Никомахова этика, Z 1141a 5–15) [2, с. 178].

Вместе с тем, признавая ремесленников умелыми, Аристотель полагал, что назвать их при этом мудрыми в подлинном смысле слова, без оговорок нельзя: они знают «что», но не знают «почему», и, делая что-то хорошо, делают это по привычке, в соответствии с навыком, не понимая причин, по которым это существует и действует («почему огонь жжется»). Чтобы достичь мудрости, одной искусности недостаточно, она должна быть соединена с теоретическим знанием о причинах и началах, пишет он в «Метафизике» (Met., I 981a -982b) [1, с. 66–67]. Та же мысль звучит и в «Никомаховой этике»: «Мы уверены, что существуют некие мудрецы в общем смысле, а не в частном... А значит, должно быть так, что мудрец не только знает [следствия] из принципов, но и истинным [знанием самих] принципов (περί τὰς ἀρχὰς ἀληθεύειν) (Никомахова этика, Z 1141a 15–20) [2, с.179].

В Библии, в Книге Притчей Соломоновых София предстает как художница, вместе с Богом творившая мир: «Господь имел меня в начале пути Своего, / прежде созданий Своих, искони; / от века я помазана, от начала, прежде бытия земли. / Я родилась, когда еще не существовали бездны, когда еще не было источников, обильных водою. / Я родилась прежде, нежели водружены были горы, прежде холмов, / когда еще Он не сотворил ни земли, ни полей, ни начальных пылинок вселенной. / Когда Он уготовлял небеса, я была

там. / Когда Он проводил круговую черту по лицу бездны, / когда утверждал вверх облака, когда укреплял источники бездны, / когда давал морю устав, чтобы воды не переступали пределов его, когда полагал основания земли: / тогда я была при Нем художницею...» (Библия, Кн. Притчей Соломоновых, 8:22–30) [3].

В знаменитой поэме «Потерянный рай» Джона Мильтона, английского поэта Раннего Нового времени, архангел Михаил наставляет Адама, как жить после изгнания из Эдема, и оказывается, что именно жизнь в познании и труде в наибольшей степени соответствует человеческому назначению и сущности:

«Но ты дела,
В пределах знания твоего, прибавь,
К ним веру, воздержание, терпенье,
И добродетель присовокупи,
И ту любовь, что будет зваться впредь
Любовью к ближнему; она – душа
Всего. Тогда не будешь ты скорбеть,
Утратив Рай, но обретешь иной,
Внутри себя, стократ блаженный Рай»[5].

Дело, соединенное с познанием, и есть техника, с помощью которой человек осваивает (и понимает) мир и реализует (и понимает) собственную сущность. То есть София и техника оказываются не просто связанными, а взаимопронизывающими друг друга, что позволяет говорить, по мысли М.Н. Эпштейна, о софийности техники и техничности Софии, а также неделимости понятия «технософия» [11, с. 203].

Идеи софийности техники и техничности Софии, идеи соучастного бытия человека и техники звучат на протяжении всего XX века, начиная с экзистенциалистских концепций К. Ясперса и М. Хайдеггера.

В размышлениях К.Ясперса о преобразующей роли техники (преобразующей среду), о ее функции избавления человека от рабства перед природой ясно звучит идея о том, что именно техника участвует в реализации человеческого предназначения. Изменяя с помощью техники среду, человек не просто переделывает нечто

негодное, и не просто адаптируется к неудобному – он избавляется от своего рабства перед природой, чтобы использовать эту свободу для своего становления как человека: «Принцип техники заключается в целенаправленном манипулировании материалами и силами для реализации *назначения человека*» [12, с. 117]. Ясперс делает несколько очень важных замечаний относительно того, что происходит в отношениях между миром и человеком благодаря технике. Природа становится ближе человеку, так как открывается по-новому (благодаря, например, телескопу и микроскопу человек открывает мегамир и микромир), Помимо расширения видения природы и складывания нового мироощущения, благодаря технике человеку открываются новые возможности существования в мире. Человек не адаптируется к среде, а создает пригодную для себя среду, в которой он способен достичь реализации своей сущности. Благодаря технике человек становится иным, но и мир также становится иным; то есть именно благодаря техник и мир, и человек обнаруживают и разворачивают скрытые дотолле возможности.

Проблему техники Ясперс напрямую связывает с экзистенциальными вопросами о сущности человеческого, его опасностях и перспективами. Техника, по Ясперсу, одна из тех сил, вникая в которые, мы «соприкасаемся с теми границами, на которых в человеке пробуждается понимание себя как одиночного существа» [Цит. по 8, с. 120]. Вряд ли можно говорить о демиургической роли техники, но очевидно, что она если и средство, то не только средство. Средством является техническое, но не техника, существо которой много глубже. Автоматичность существования, утрата собственной сущности в техническом и технологизированном мире обусловлены тем, что человек неверно использует те возможности, которые дает техника.

Мартин Хайдеггер предостерегал от напрасных надежд и необоснованных страхов по поводу роли техники в судьбах человеческой цивилизации. Причина опасностей, которые несет техника – не только в неправильном использовании ее возможностей, но в неправильном толковании самого его существа. Человек пытается

использовать ее в качестве инструмента для достижения своих ближайших целей, которые он ставит неразумно, не видя целого, не слыша, как сказал бы Гераклит, «зова Логоса», или зова Бытия, по Хайдеггеру. Человек не есть господин техники, говорит Хайдеггер, это значило бы, что человек стал господином бытия. Нет, их отношения другие: «человеческое существо падает прямо в руки существу техники» [10, с. 253]. Но и это не означает демонической роли техники, которая вырвалась из-под власти человека и сама диктует ему новые правила игры, принуждает и поработачивает его. Нет никакого «бунта машин». Проблема заключается в том, что Хайдеггер назвал неопытностью и невдумчивостью человека в оценке существа техники и своей собственной миссии. Для него проблема техники – исключительно онтологическая и метафизическая проблема. Хайдеггер признает обоснованность взгляда на технику как «средство и человеческое деяние», но считает инструментальный и экзистенциальный угол зрения на нее недостаточными для понимания. В работе «Вопрос о технике» он прямо заявляет, что современная техника не может быть ни только человеческим деянием, ни только средством человеческого деяния [10]. Он видит необходимость дать технике «нетехническое» обоснование, разделить онтологическую сущность техники и ее технические проявления. По сути, именно Хайдеггер максимально отчетливо и категорично ставит вопрос о софийности техники.

Отправляясь от различных нюансов значения греческого τέχνη, Хайдеггер вслед за Аристотелем связывает его с понятиями αλήθεια и ἐπιστήμη и определяет его как способ истинствования, процесс выведения вещи из потаенности, ее сбывания в качестве себя, ее произведения. Важно то, что τέχνη «раскрывает то, что не само себя производит, еще не существует в наличии, и потому может выглядеть иначе» [10, с. 225] (курсив наш – Т.Д.). «Решающая суть τέχνη заключается тем самым не в операциях и манипуляциях, не в применении средств, а в вышеназванном раскрытии» [10, с. 225]. Это относится не только к древней ремесленной технике, но и к технике индустриального общества, подчеркивает Хайдеггер. И еще одна

важная деталь отмечается мыслителем: раскрытие этой потаенности не исключительно человеческое дело – «по-своему открывая внутри непотаенности присутствующее в ней, человек лишь отвечает ее вызову», но сама непотаенность не создана человеком [10, с. 228], он оказывается захваченным ею, стремясь быть ей соразмерной.

Выводы

Как техника не создает вещи сама по себе, а проявляет потенциальное, превращает в реальность скрытые возможности вещи стать собой, так она и побуждает проявиться то, чем мог бы стать мастер. Она не есть случайное, необязательное, «вспомогательное» изобретение человека. Техника является онтологическим условием саморазвертывания мира и осуществляет это посредством человека. Но вместе с тем, она является и средством саморазвертывания человека, его возможностей. Будучи посредником между пассивной природной материей и преобразующей активностью человека, она выявляет возможное в обеих сторонах, становится условием становления и вещи, и мастера. Учение о технике, понятое как технософия, единственно способно преодолеть ограниченность существующих концепций техники (хотя, скорее, концепций технического, если следовать известной мысли Хайдеггера о различении техники и технического). Технософия – не просто философская рефлексия по поводу инструментальной роли техники в человеческой цивилизации. Это размышление о человеке и человеческой истории, исходя из онтологического статуса техники, то есть того, что имеет самое непосредственное отношение к бытийственной сущности мира, бытийственной сущности человека, раскрытию их границ, горизонтов, отношений, возможностей. В фокусе внимания технософии находится то, что отвечает на духовные потребности человека, формирует его устремления и указывает горизонты. Фактически в рамках технософии формулируется новый подход к оценке отношений человек – техника – мир, основанный на принципе их коэволюции.

Список литературы

1. Аристотель. Метафизика // Аристотель. Сочинения в 4-х тт. Т.1. М.: Мысль, 1976. 550 с.
2. Аристотель. Никомахова этика // Аристотель. Сочинения в 4-х тт. Т.IV. М.: Мысль, 1984. С. 53–294.
3. Библия. Любое издание.
4. Гомер. Илиада. Одиссея. М.: НФ «Пушкинская библиотека»: АСТ: АСТ Москва, 2007. 859 с.
5. Мильтон Дж. Потерянный рай / Пер. А. Штейнберга. URL: <http://lib.ru/POEZIQ/MILTON/milton.txt>
6. Платон. Филеб // Платон. Собр. сочинений в 4 тт. Т.3. М. Мысль, 1994. С. 7–78.
7. Степин В.С., Горохов В.Г., Розов М.А. Философия науки и техники Учебное пособие. М.: Изд-во: Гардарики, 1999. 400 с.
8. Тавризян Г.М. Философы XX века о технике и технической цивилизации. М.: РОССПЭН, 2009. 216 с.
9. Хабермас Ю. Техника и наука как «идеология» / Пер. с нем. М.Л. Хорькова. М.: Практикс, 2007. 208 с.
10. Хайдеггер М. Вопрос о технике // Хайдеггер М. Время и бытие. Статьи и выступления. М.: Республика, 1993. С. 221–237.
11. Эпштейн М.Н. От знания – к творчеству. Как гуманитарные науки могут изменять мир. М.; СПб.: Центр гум. инициатив, 2016. 480 с.
12. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Республика, 1994. 527 с.

References

1. Aristotel'. Metafizika // Aristotel'. Sochineniya v 4-kh tt. T.1. M.: Mysl', 1976. 550 s.
2. Aristotel'. Nikomakhova etika // Aristotel'. Sochineniya v 4-kh tt. T.IV. M.: Mysl', 1984. S. 53–294.
3. Bibliya. Lyuboe izdanie.
4. Gomer. Iliada. Odiseya. M.: NF «Pushkinskaya biblioteka»: AST: AST Moskva, 2007. 859 s.
5. Mil'ton Dzh. Poteryanny ray / Per. A. Shteynberga. URL: <http://lib.ru/POEZIQ/MILTON/milton.txt>

6. Platon. Fileb // Platon. Sobr. sochineniy v 4 tt. T.3. M. Mysl', 1994. S. 7–78.
7. Stepin V.S., Gorokhov V.G., Rozov M.A. Filosofiya nauki i tekhniki Uchebnoe posobie. M.: Izd-vo: Gardariki, 1999. 400 s.
8. Tavrizyan G.M. Filosofiy KhKh veka o tekhnike i tekhnicheskoy tsivilizatsii. M.: ROSSPEN, 2009. 216 s.
9. Khabermas Yu. Tekhnika i nauka kak «ideologiya» / Per. s nem. M.L. Khor'kova. M.: Praxis, 2007. 208 s.
10. Khaydegger M. Vopros o tekhnike // Khaydegger M. Vremya i bytie. Stat'i i vystupleniya. M.: Respublika, 1993. S. 221–237.
11. Epshteyn M.N. Ot znaniya – k tvorchestvu. Kak gumanitarnye nauki mogut izmenyat' mir. M.; SPb.: Tsentr gum. initsiativ, 2016. 480 s.
12. Yaspers K. Smysl i naznachenie istorii. M.: Respublika, 1994. 527 s.